

Маяковский -- патриот социалистического отечества

(К одиннадцатой годовщине со дня смерти поэта)

Советский читатель, любящий настоящую большую поэзию наших героических лет, высоко ценит замечательное творчество В. В. Маяковского. В произведениях «лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи», как сказал о Маяковском товарищ Сталин, читатель находит целый мир социалистических идей и чувств. Этот мир открывают в поэзии Маяковского и новые граждане молодых областей и республик СССР. Получая впервые советский паспорт и вспоминая свое недавнее прошлое, они с особым воодушевлением могут повторить слова Маяковского:

С каким наслаждением
жандармской кастой
я был бы
исхлестан и распят
за то,
что в руках у меня
молоткастый,
ссыпастый
советский паспорт.

«Стихи о советском паспорте» стали любимым поэтическим выражением гордости гражданина СССР за свое отечество. Написанные в последний год жизни Маяковского, они как бы венчают одну из важнейших тем всего его творчества — тему советского патриотизма.

«...Мы должны, — говорил М. И. Калинин в своем докладе московскому партактиву «О коммунистическом воспитании», — воспитать всех трудящихся СССР в духе пламенного патриотизма, в духе безграничной любви к своей родине. Я говорю не об отвлеченной, не о платонической любви, а о любви напористой, активной, страстной, неукротимой, о такой любви, которая не знает никакой пощады к врагам, которая не остановится ни перед какими жертвами во имя родины».

В качестве образца выражения патриотических чувств в искусстве, образца служения советскому народу М. И. Калинин в своем докладе приводил творчество Маяковского.

В старой России, где господствовал «его преподобие» капитал, поэт чувствовал себя чужим. «Я не твой, снеговая уродина» — говорил он, обращаясь к старорежимной, кондовой, низкопоклонной Руси чиновников и купцов, помещиков и фабрикантов, опоганивших великое слово «Родина». С неслыханной силой бросил он в лицо «патриотов», отживавшихся в тьму во время мировой войны и наживавшихся на военных спекуляциях, свое негодование подлинного сына родины, которому больно и стыдно за свое истерзанное, истрадавшееся отечество:

Вам ли, любящим баб да блюда,
жизнь отдавать в угоду?!

А в поэме «Война и мир», которую он писал для журнала А. М. Горького и которую царская цензура не пропустила, Маяковский называл калек империалистической войны «огрызками кровавого обеда международной буржуазии».

Никто не просил,
чтоб была победа
родине начертана.

Вам ли, любящим баб да блюда,
на чорта она?!

Но едва власть в России перешла к победившим рабочим и крестьянам, Маяковский сразу опутил интересы социалистического государства, как свои кровные интересы, и его победу, как свою собственную. Неудовлетворенная ранее любовь поэта к родине стала деятельной, напористой, страстной и неукротимой. Проявления этой любви — не только в его больших стихах и поэмах, ставших величайшими памятниками мыслей и чувств революционного народа, но и в повседневных заботах о благе родины, в помощи ей агитационным словом — частушкой, лозунгом, плакатом, газетным фельетоном на злободневную тему.

«Пусть вспоминают лирики стишки,
под которые влюблялись. Мы рады вспомнить и строки, под которые Девигин бежал от Орла», — писал Маяковский, объясняя творческое значение своей агитработы в РОСТА (Российском Телеграфном Агентстве).

Огненный темперамент бойца революции не позволял ему замкнуться только в работе над книгой и толкал на участие своим поэтическим словом в повседневных боях за социализм. Он владел одинаково хорошо всеми видами литературного оружия — от пафоса до юмора и сатиры, от поэмы до частушки. Весь этот грандиозный арсенал слова он отдал на идейное вооружение родины:

Маршом развернув
моих страниц войска,
я прохожу
по строчечному фронту.

Размах, гибкость и оперативность литературной работы Маяковского поразительны. В годы гражданской войны эти особенности его дарования были неопределены. Он пишет близкие пониманию рядового красноармейца и самого отсталого крестьянина нравоучительные сказки и рассказы, агитационная действенность которых очень велика, потому что назидательный тон их не назойлив, «утеплен» шуткой,

юмором: «Рассказ о том, как из-за пуговицы голова пропадает дешевле луговицы» или — «Сказка о дезертире, устроившемся недуренько, и о том, как участь постигла его самого и семью шкурника».

И в то же время он создает обобщенный грандиозный образ всей земли, расколотой гражданской войной, образ великого русского народа, поднявшегося первым на борьбу за счастье всего человечества. Поэму

Я в восторге
от Нью-Йорка города.
Но
кепчонку
не сдеру с виска.
У советских
собственная гордость:
на буржуев
смотрим свысока.
В самом деле, что стоило даже тако
чудо американской техники, как
Бруклинский мост, которое влюбленно

Если б не было
такой земли —
Москва.

Маяковский был русский человек, родившийся и проведший юные годы своей жизни на Кавказе, в кипящем котле национально-революционной борьбы против российского самодержавия. Он говорил о себе, что он «по рождению грузин». Вместе со своими товарищами грузинами, еще острее переживая за них уколы национального самолюбия, он ненавидел взбесившихся в 1905 году великодержавных российских шовинистов. Но когда уже в советских условиях он подметил проявления национализма в некоторых кругах грузинской и украинской интеллигенции, он с искренним огорчением воскликнул, обращаясь к юности всей нашей многонациональной родины:

Да будь я
и негром преклонных годов,
и то
без унынья и лени
я русский бы выучил
только за то,
что им
разговаривал Ленин.

Осенью 1927 года Маяковский впервые прочитал своим литературным друзьям поэму «Хорошо!», написанную им к десятилетию Великой Октябрьской социалистической революции. Идея, созревшая в боевой практике поэта-трибуна, идея любви к родине одухотворяла эту гениальную поэму. Самое название «Хорошо!» звучало взволнованным, счастливым восклицанием человека, вздохнувшего полной грудью. Но, несмотря на то, что именно в этой идее заключался прямой и глубокий смысл нового произведения Маяковского, это не сразу было понято многими, в частности многими литераторами. Маяковский чувствовал и думал, опережая других, угадывая развитие чувств и дум народа. Понадобилось время, чтобы вместе с подъемом патриотической волны оказалась вознесена в народном сознании и великая патриотическая поэма Маяковского.

Первый в советской поэзии Маяковский заставил заново снять слова «родина», «отечество». Он возвеличил жертвенную любовь к родине. В своей поэме, обращаясь к именовавшим себя патриотами российским буржуазным эмигрантам, он писал:

Слушайте,
национальный трутень, —
День наш
тем и хорош, что труден.

Эта песня
песней будет
наших бед,
побед,
буден.

Такой песней «бед, побед, буден» и стала поэма «Хорошо!». Своими вдохновенными образами не только достигший, но и трудностей нашего исторического пути она вливает изумительное настроение веры в будущее. И вся поэма Маяковского звучит поэтической присягой сердца на верность матери-родине.

...землю,
которую
завоевал
и полуживую
вынянчил,
где с пулей встань,
с винтовкой ложись,

где каплей
льешься с массами, —

с такою
землю
пойдешь
на жизнь,
на труд,
на праздник
и на смерть!

В. ПЕРЦОВ.

«150.000.000» он выпускает в 1921 году без указания имени автора. «150.000.000 мастера этой поэмы имя» — провозглашает он во вступлении. Он стремится слиться с революционным народом не только содержанием, но и форму своего нового произведения — не случайно первоначально оно называлось «Былина об Иване». Поворот Маяковского к народному языку, образам и жанрам, который происходит в его творчестве после революции, отражает его стремление дойти до самых широких масс. В поэме «150.000.000» он использует, переделывая на свой лад, народнопесенные размеры и широко применяет фольклорные ритмы:

Русских
в город тот
не везет пароход,
не для нас дворцов этажи.
Я один там был,
в барах ел и пил,
попивал в барах с янками джин.

Сюжет поэмы рисует сказочное столкновение советского богатыря Ивана — ста пятидесяти миллионов рабочих и крестьян — с коллективным воплощением мирового капитализма в образе американского президента Вудро Вильсона. Империализм душит русский народ голодом и разрухой, блогадой и эпидемиями, высылает против него войско ядовитых идей. Победа Ивана дается нелегко.

Своей огромной верой в народ, своей болью за его лишения и жертвы, уважением к незаметным героям, обеспечившим торжество революции, Маяковский настраивает читателя на высокий патриотический лад.

В поэтической работе Маяковского общественный темперамент сочетался с верным политическим чутьем, которое оценил Ленин в стихотворении «Прозаседавшиеся». Окрыленный похвалой Ленина, Маяковский «во весь голос» развернул свою деятельность поэта-гражданина.

В комедии Грибоедова «Горе от ума» Чацкий, вернувшись в Москву из заграничных странствий, на вопрос Софьи «Где ж лучше?» — отвечает:
Когда ж постранствуешь,
воротисься домой,
И дым отечества нам сладок
и приятен!

В своих заграничных поездках Маяковский сердцем не расставался с любимой социалистической родиной. «Дым отечества», самый воздух, «разреженный дважды грозой двух революций», был приятен ему. И с запасом этого воздуха в своей широкой грудной клетке он обощел чуть не весь земной шар. Технические достижения капитализма он сумел при этом трезво оценить, но еще острее понял, что забота о человеке, неведомая капитализму, составляет душу, гордость социалистического строя. И он писал:

и с гордостью за творческие возможности людей созерцал Маяковский, по сравнению с действительным чудом нашей борьбы и труда?

Нами
через пропасть
прямо к коммунизму
перекинут мост,
длиною —
во сто лет.

Хозяйским глазом, уважительно, но и критически осматривал он достопримечательности буржуазной техники и культуры, прикидывая, как и что нужно будет использовать после победы мировой революции. Все-таки тоска по родине хватала за сердце:

Почему
под иностранными дождями
вымокать мне,
гнить мне
и ржаветь?

И подтрунивая, по обыкновению, над симм собой, над своей «сентиментальностью», — черта, которая придавала такую чистоту и подлинность выражению его самых глубоких чувств, он прощался с любимым Парижем —

Я хотел бы
жить
и умереть в Париже,